

«Разуверение» Е. Баратынского в контексте элегической традиции

В элегии Баратынского «Разуверение» отчетливо прослеживается трансформация жанра, обозначается специфика поэтики Баратынского.

Все в элегии, начиная с названия, включает в себе двусмысленность. «Разуверение» - состояние (см. словарь В. Даля), но и обозначение формы (нечто обратное объяснению в любви). Элегическая речь организована как диалог (в ней есть обращение к собеседнику) и как монолог (отсутствуют реплики другого, «чужая речь»). «Зоны молчания», охватывая сферу собеседника, замещая ее, создают подтекст.

Ситуация искушения, часто обыгрываемая в поэзии начала XIX в., зеркально перевернута: в роли искусителя оказалась она. Отказной жест сопровождает весь монолог героя. «Лестница отрицания» возводит преграду между персонажами, одновременно отмечая отчуждение героя от прошлого. Разочарование осмыслено неоднозначно, в полярности точек зрения: сначала преобладает точка зрения другого (предел чего - упоминание о себе в третьем лице – «больного»), затем происходит переключение на точку зрения «я» («*Я сплю, мне сладко усыпленье*»). Подобный ход достаточно четко определяет движение мысли в элегиях 20-х годов: герой из жертвы неожиданно превращается в победителя.

Оппозиция покоя/тревоги как состояний души, разведенных во времени, дифференцирует понятия, семантически близкие, расщепляя единый психосоматический комплекс: «любовь» означает духовное состояние, «волненье» - физическое. В контексте элегии душе приписаны свойства тела. В логике элегии, фиксирующей ступенчатое погружение героя в сон (бесчувствие, слепота, глухота - последовательно выстраиваемый ряд), запрет на оглядку оборачивается омертвлением души, что выражено в

семантическом сближении сна и смерти (обозначенные выше признаки характеризуют, согласно фольклорно-мифологической традиции, мертвого в мире живых, либо живого в мире небытия). В 30-е годы этот психологический эксперимент получит философское обоснование. В элегии «На что вы, дни» предстанет абсурдное бытие человека, у которого еще в земном бытии душа отделилась от тела, продолжающего свое бессмысленное существование.

Внутренняя диалогичность элегии обусловлена тем, что авторский двойник - часть его же души; неприсутствие в тексте означает разрыв с прошлым, воплощением которого он является. Жанровый архетип сохранен «зоной молчания», уводящей в перспективу подтекста.

Опубликовано: Интерпретация художественного текста. Бийск, 1998.
С. 38-40.